
Отзыв о диссертации К.К. Флёрова «Монографическое описание оленевых»

Александр Федорович Котс

Выступая, видимо, последним на сегодняшнем собрании, я позволю себе осветить работу диссертанта в нескольких аспектах, незатронутых в предшествующих выступлениях.

Начну с упрёка и недоумения: Зачем — так хочется спросить глубокоуважаемого автора нас занимающего здесь труда — зачем назвали Вы Вашу работу так **несоразмерно скромно**, робко, скудно, как «**Монографическое описание**»? Как будто вся работа Ваша сводится лишь к «описаниям»!

Допустим, что листажно элементы описания превалируют над обобщениями, но ведь расценивать эти последние приходится не по «листам», страницам или строкам, но по ценности, значительности, широте научных выводов.

Но даже по количеству страниц, **часть**, посвящаемая обобщениям, занимает больше четверти всего объёма рукописи и замалчивать эту **венчающую** часть труда в самом заглавии работы нет ни повода, ни основания.

Отметить, указать наличность обобщающего элемента, отразить его в самом заглавии Вашего труда (хотя бы помещением подзаголовка: «В отсвете филогении») — только отвечало бы фактическому содержанию Вашей работы.

Таково мое вступительное замечание: Не принижать в заглавии работы ее подлинной реальной широты и ценности!

Перехожу к суждениям по существу.

Самого беглого просмотра капитального труда, представленного нашему вниманию достаточно, чтобы сказать: **Плод колоссального труда и подлинного творчества.**

Зоолог-систематик, полевой натуралист, фаунист, анатом и палеонтолог **изложил свой личный опыт на страницах своего труда, сведя в единое и гармоническое целое работу мысли, штангенциркуля, бинокля штуцера** и — как увидим ниже — **замечательные дарования художника-анималиста**, то под сводами музеев Ленинграда и Москвы, то под привольным небом Крыма и Кавказа, Заполярья и Урала, Закавказья, Дальнего Востока, Бухары, Армении, Афганистана...

При **таком** диапазоне опыта и личных наблюдений, при **таком** владении предметом, критика **такого** автора является особенно ответственной.

И потому, не претендуя на детальную проверку очерков и описаний, приводимых автором, **я полагаю нужным подчеркнуть, что в разбираемой работе мы имеем превосходный образец классической московской Ленинградской Школы систематиков-анатомов-палеонтологов.**

Девиз этой московской Школы, некогда заложенной трудами акад. Петра Петровича Сушкина: **Минициозность фактов, широта идеи, путь к большим итогам через тропы скрупулезнейших деталей.**

И еще одна особенность: критичность, вдумчивость и осторожность выводов и обобщений, **что особенно сказалось на трактовке филетических вопросов, схем и построений.**

Здесь нельзя не оценить их главного достоинства: **отказа от примитивизма Геккелевых схем** и построением родословных линий и ветвлений **с соблюдением «филетического целомудрия**»: условного расположения «узлов» или «развилков», оставляющего должную свободу и большой простор для будущих поправок или коррективов.

Не случайно автор выдает все предлагаемые им филетические построения за «схемы отношений» (Табл.87) или «**Истории распространения**» (Табл.89—92) — пример, достойный подражания всех запоздавших эпигонов величайшего догматика-дедуктивиста-иенского ученого.

Приходится лишь пожелать, чтобы новаторски-продуманные схемы «отношений» и «распространения», завершающие атлас замечательных таблиц, приложенных к работе **Флёрова**, проникли бы скорее в наши сводки и учебники взамен архаики **Годри** и **Геккеля**.

И все же, как ни ценны филетические построения в рассматриваемом труде, их не минует общая судьба всех «Родословных Древ»: их увядание с прогрессом наших знаний, умирание если и не основных стволов, то концевых ветвей, и как добавим мы: по счастью — ибо заострение их в вековечной форме означало бы конец научной мысли, омертвление науки.

Но тем больше выдвигается значение и роль **фактического материала** и конкретных фактов, составляющих **непреодоляющий вечный инвентарь науки**.

Очень показательны, что при **громдном, необъятном вещном** материале, автор удержался от соблазна перегрузить свою работу обилием цифрового материала.

Материал этот имелся несомненно, был в распоряжении автора и ничего не стоило заполнить тысячами цифр несколько печатных листов.

Известно между тем, что механическая отпечатка цифровых таблиц и измерений, **импонирует** лишь дилетантам впечатлением особой точности? На деле же, поскольку цифровые данные **не** обработаны самим же автором (биометрически, или хотя бы в виде сводных диаграмм или кривых) — они обычно остаются **мертвым грузом**, только осложняющим набор, редакцию, тираж и приобретение подобной книги.

В преднамеренном отказе автора от этого принципа — пародирования мнимой «точности» в **сознательно переведении акцента на отточенный язык словесных описаний и рисунка** мы приветствуем **здоровую, практическую, «деловую» установку автора как практика-натуралиста и литературного работника**.

Тем более сомнительны и **спорны** три других момента в оформлении рассматриваемой работы, к рассмотрению которых я позволю себе перейти.

1. Первое сомнение: Выделение особой рубрики так наз. «Адаптивных» признаков.

Не говоря о некоторой искусственности разделения признаков на «адаптивные» и на лишённые этого титула, экологически нейтральные, желательнее увидеть эту часть работы более **унифицированной** и по содержанию, и по заглавию, различному в двух основных частях ее: именно в первой части под знаком «**специализации**» («Специализация и История») а во второй — под заголовком: «Адаптивные признаки».

2. Сомнение второе: **Метод замещения монографического описания некоторых рас или подвидов — сводным очерком целого рода и подрода, как это имеет место в ряде случаев**.

Так напр. характеристике **рода** Косуль — отведено до 40 страниц (143—178), **семейству** Цервиде — столько же (63—106), **РОДУ** Оленей благородного — до 20 страниц (260—280). Но и тут, и там, и здесь за счет монографического описания конкретных **подвидов и рас**.

Легко понять причины, побудившего нашего автора предпосылать суммарно-обобщающие очерки конкретным описаниям отдельных рас: боязнь повторений и удобство оперирования при изложении филогении и миграций тех или иных оленьих групп. (Гораздо легче размещать во времени или перегонять в пространстве — из Америки в Европу или в направлении обратном целые **рода** лосей и сев. Оленей, чем в отдельные подвиды или расы.)

Но **прозрачность** и **конкретность** текста этим все же понижается. Желаяший детально ознакомиться с повадками нашей **сибирской** расой (или подвидом) косули вынужден довольствоваться общим и суммарным очерком косули **вообще**.

А между тем при близком аутопсихическом знакомстве автора работы именно с **сибирскими** косулями («Пигаргус»), какой прекрасный очерк этой именно косули выпал совершенно.

Равным образом приходится глубоко пожалеть, что в отношении сибирского **Марала** или Лося Забайкалья автор нас не одарил таким же мастерским, блестящим и **конкретным** очерком, как в случае бухарского «Хангула» (стр. 290—300)

Говоря иначе: Каковы бы ни были причины, побудившие нашего автора давать суммарно- обобщающие очерки повадок **сборных групп (семейств, родов и видов)** — **заменить** монографические очерки конкретных **подвидов и рас** такие сводки все таки не могут в силу большей отвлеченности их содержания.

Уместно вспомнить, как аналогичная попытка «алтер-эго» **Дарвина**, Альфреда **Уоллеса** в его классической «**Географическом Распространении Животных**», именно метода оперировать с «**Родами**» а не «**видами**» животных встретила суровую и отрицательную критику нашего общего учителя профессора **Мензбира**.

Лично мы, конечно, предпочли бы более **обычную манеру** описания: полагание в основу тщательного и монографического очерка **конкретно избранного подвида, наиболее известного, лично исследованного автором** и указания при приведении других подвидов или рас, в **чем** их отличие от первого.

Но если даже и не соглашаться с этим мною выдвигаемым упреком, можно с полной уверенностью утверждать, что именно в конкретных, **списанных с натуры очерках повадок лично наблюдаемых некогда животных** заключается **одна из самых привлекательных сторон и основных достоинств разбираемой работы** и что всякая замена или разбавление этих описаний компиляцией литературных данных не содействует приукрашению работы.

3. Перед нами — **рассмотрение** последнего и завершающего пункта разбираемой работы, представляющий совсем особый и в известной мере **уникальный интерес**: мы разумеем **Часть иллюстративную — великолепный атлас перовых рисунков и таблиц, обязанных перу самого автора**.

Можно без тени преувеличения сказать, что перед нами нечто абсолютно уникальное, не только в русской, но и в мировой литературе Палеонтологии: объединение в одном лице ученого-палеонтолога и выдающегося мастера-художника- анималиста.

И действительно. Если среди зоологов-анатомов умение пользоваться кистью и карандашом — прямая их обязанность, или необходимость.

Если для зоологов-фаунистов-систематиков **редчайшее объединение призвание ученого и дарования художника** встречалось и встречается лишь **как редчайшее явление** (достаточно напомнить двух былых питомцев **Дарвиновского Музея**, наших замечательных зоологов-художников **Н.Н. Кондакова** и профессора **А.Н. Формозова**..) — то в царстве Палеонтологии и в частности для групп высших позвоночных мы не избалованы **содружеством искусства и науки в дарованиях того же автора**.

Достаточно напомнить «**Абелевские реконструкции**» (его так наз. «**Лебенсбилдер**») вопреки претенциозности их автора столь поразительно бездарные.

При этом говоря о даровании К.К. Флёрова, как иллюстратора, отметить хочется не столько редкое его умение передавать **фактуру** материала (кости, волоса и рога..), и не «**абсолютный глаз**» — гарантию точнейшей передачи форм и линий, но умение **вживаться в непередаваемые словом или фотокамерой** детали облика животных, то неуловимое для рядового глаза «**нечто**», что на языке научном именуется как «**хабитус**» именно данной расы, данной особи.

Но именно для этой цели иллюстрации, рисунки целостных животных, сделанные автором для его книги, вызывают самые серьезные сомнения, не по достоинству их выполнения (оно непревзойденное!) но по манере композиции, трактовке и подаче потребителю научной монографии.

И в самом деле. Для чего последнему, ученому зоологу или палеонтологу **показывать изображения обыкновеннейших животных, будь то лось, Косуля или Сев. Олень во всем разнообразии их поз или движений**, то пасущимися, то пугливо озирающимся, то несущимися во всю прыть?

Ведь все они, эти движения и позы, то **изящно- поэтичные**, то героически бравурные давно известны каждому зоологу, охотнику или любителю животных и в глазах **ученого-специалиста эти позы угрожают** привнести в солидный и академический — в хорошем смысле слова — **стиль работы элемент излишней популяризации.**

Уместные для популярной книги, для учебника, определителя, для сводки или фаунистического описания **рисунки разбираемого типа** диссонируют с характером и назначением работы, ее стилем, **профилем его фактического потребителя**.

Тем более уместной и желательной мне представляется **замена** этих иллюстраций, представляющих животных в разных позах или поворотах, сходными по технике (или, быть может, еще более контурно-лаконичными) но **в совершенно сходных поворотах** по примеру или образу анатомических рисунков (черепов) той же работы, выполненных мастерски ее же автором.

В основу этого «сериального» показа полагается принцип, давно успешно применяемый в экспонатуре **Дарвиновского Музея**, там, где требуется максимально эффективно показать различия в размерах, форме и окраске близко-родственных животных разных рас.

Можно уверенно сказать те же самые объекты **Флеровской** работы но изображенные по методу «сериального» показа (хорошо известного в Антропологии и частью проведенного и в разбираемой работе, **но не на изображении целостных животных!**), — обеспечат подлинную «диалектику» показа, то «движение понятий», **цель которого предельно обеспечить эффективность и доходчивость рисунка независимо от устных и печатных пояснений**.

Перекомпонованные в этом виде иллюстрации данной работы смогут в полной мере выявить присущий автору **редчайший дар: содружество ученого, анатома, художника-анималиста, применить на практике редчайший синтез остроты научной мысли, глаза и штриха**.

И все же, как бы ни хотелось выправить или ослабить приведенные здесь недочеты разбираемой работы — это все же лишь «шестые знаки логарифмов».

И заканчивая свое слово и **свой отзыв** я позволю себе **сформулировать его итоги вещим словом замечательного государственного деятеля**, — Михаила Ивановича **Калинина**.

Я разумею обращение Михаила Ивановича, в **свое** время адресованное передовикам животноводства, **но вполне уместное для приведения сегодня** и не потому, что и олень все же относится к «животным», даже более того — к животноводству, но затем, что **вещие слова тов. Калинина заслуживают стать девизом всякой творческой работы на любом культурном фронте**. Я цитирую дословно, текстуально:

«Каждое дело требует знаний. Без знания трудно руководить. Но животноводство, помимо знания требует еще и огромного опыта, большой наблюдательности, инициативы, я бы сказал буквально творчества. Помимо знания и опыта требуется догадка, которой никто не может обучить и которая проистекает в значительной степени от большой любви к делу.»

Золотые мысли и слова. И прилагая их к работе, нас сегодня занимающей, мне хочется сказать:

Да, Знание, опыт, инициатива, наблюдательность, догадка, творчество, любовь к своему делу — таковы те семь условий или предпосылок, что позволили сегодняшнему диссертанту, Константину Константиновичу **Флерову**, создать свой капитальный труд, внести свой светлый и свободный дар и долг в сокровищницу мировой науки и в родную нашу **русскую культуру**.

Основатель (1896) и Директор **Дарвиновского Музея в Москве** «Отличник Здравоохранения СССР» Орденосец

/профессор А.Ф. Котс/

проф А.Ф. Котс

В четверг, 19-го февраля с.г. в 12 час. дня в конференц-зале Биологического отделения Академии Наук СССР (Б.Калужская, 33) состоится заседание Ученого Совета Палеонтологического Института Академии Наук СССР.

Повестка дня:

1. Защита диссертации на соискание ученой степени доктора биологических наук К.К. Флеровым на тему: «Оленеобразные — монографическое описание».

Официальные оппоненты: доктор биол. наук, проф. Н.А. Бобринский, д-р биол. наук В.И. Громова и д-р биол. наук проф. А.А. Машковцев.

2. Защита диссертации на соискание ученой степени кандидата биологических наук В.А. Сытовой на тему: «Кораллы ругоза семейства кифофилиде из верхнего силура Урала».

Официальные оппоненты: д-р биол. наук, проф. Р.Ф. Геккер и канд. геол.-минер. наук Т.А. Добролюбова.

Ученый Секретарь (О.М. Мартынова)

Тезисы к диссертации К.К. Флёрова «Оленеобразные — монографическое описание»

1. Главнейшие направления эволюции оленей шли по трем линиям:
  - a. Развитие Cervulinae которые, сохранившись до современности, вместе с тем дали весь комплекс фауны оленей Старого Света.
  - b. Развитие американской ветви подсемейства Palaeomerucinae трибы Blastomerucini послужившей корнем для Neocervinae.
  - c. Развитие своеобразной специализированной группы Dromomerucinae возникшей в нижнем миоцене и вымершей, не оставив потомков, в верхнем плиоцене.
2. Вся группа оленей развивалась весьма неодинаково в своих отдельных ветвях: евразийские олени изменялись сравнительно постепенно, с более или менее ясной сменой стадий, причем каждая новая стадия может быть характеризована определенными последовательными усложнениями в отношении морфологии, количества и разнообразия форм и адаптаций и экологических группировок; американская ветвь в течение долгого периода от нижнего миоцена до верхнего плиоцена почти не изменялась и лишь в конце плиоцена внезапно дала бурный расцвет большого числа новых ветвей, заместивших вымерших к этому времени Dromomerucinae.
3. Наиболее примитивные формы, более древние по происхождению, сравнительно мало изменившиеся и мелкие свойственны южным (тропическим) зонам (Muntiacus, Axis, Rusa). Следующая группа, более высоко специализированная, — умеренной и субтропической зонам (Capreolus, Cervus pippon, Cervus elaphus, Dama). Наиболее специализированные, самые молодые по происхождению, самые крупные по размерам очень сильно измененные и наиболее удаленные от древних предков обитают северную часть умеренной и арктическую зоны (Eucladocerus, Megaloceros, Cervalces, Alces, Rangifer).
4. Тропическая фауна оленей — индо-малайская — сформировалась и приобрела современный облик уже в конце плиоцена, тогда как фауна палеарктическая окончательно сложилась только к концу плейстоцена.
5. Наиболее богатая фауна оленей свойственна плейстоцену, когда присутствовали все ныне живущие и многие вымершие в конце этой эпохи рода.
6. Основные изменения оленей с момента возникновения группы, т.е. с верхнего олигоцена, были направлены по следующим путям:
  - a. Изменение конечностей в связи с переходом от первичного типа местообитания в болотистых зарослях с мягкими грунтами к более сухим травянистым районам; конечности удлинняются, срastaются, образуется os сапоп боковые постепенно редуцируются.
  - b. При последующей дифференциации и захвате более разнообразных биотопов происходит адаптивное изменение конечностей самого разнообразного типа: болотного, снегового и т.д.
  - c. Параллельно происходит изменение зубной системы с переходом в более сухие места и со сменой пищевого режима, от олигоценового протоселенodontного типа к более высокоорганизованному; в миоцене начинается моляризация ложнокоренных и постепенное увеличение высоты коронки до по-

лугипсодонтной у форм более сухих биотопов; лесные и болотные приобретают жираффидный характер зубов, свойственный более мягкой пище. Особый тип представляют олени, питающиеся лишайниками — у них зубы мелкие, с низкими коронками.

- d. К началу среднего миоцена оленеобразные формы приобретают рога вначале в виде простых пеньков, покрытых кожей, далее развивается спадающая часть простая, потом ветвящаяся кустом и наконец образуется штанга, от которой отходят отростки.
- e. Череп претерпевает значительные изменения, связанные с образованием рогов, с разным развитием жевательной мускулатуры, с увеличением носовой полости в связи с обитанием в холодном климате и пр.
- f. Скелетные изменения связаны преимущественно с разным развитием рогов, величиной мускулатуры, поддерживающей голову, и с разной длиной конечностей.
- g. Волосяной покров у южных примитивных форм круглый год однотипный рыжеватый без подшерстка; у более специализированных видов умеренной зоны появляется сезонный диморфизм, вероятно с конца плиоцена; в зимнем меху появляется подшерсток, теряется примитивная рыжая окраска и часто пятнистость; нередко в зимнем меху образуется зеркало, отсутствующее в летнем; у арктических форм летняя и зимняя окраски часто почти сходны, но примитивная летняя рыжая окраска совершенно теряется, она сохраняется только у молодых; иногда у арктических форм летняя и зимняя окраска дифференцированы, тогда летняя более темная и не имеет примитивного рыжего тона.
- h. Холодостойкий волосяной покров образуется разными путями; у большинства зимой плотная ость извитая и густой тонкий подшерсток; беломордый олень (*Cervus albirostris*), который возник в условиях тибетского нагорья, по-видимому, ко времени оледенения, в основании своем имеющий южных замбаров (*Rusa*), приобрел своеобразный покров — подшерсток, волосы ости очень толсты, сильно извиты и полы внутри; образуется плотный покров, окружающий животное толстым слоем согретого воздуха.
- i. Могут быть намечены следующие пути экологических изменений оленей: первоначально олени обитатели влажных зарослей с мягкими болотными почвами; пища — болотные растения, корневища, м.б. со включениями животных элементов; постепенно олени выходят на более сухие места и занимают самые разнообразные биотопы (за исключением песков и скалистых высокогорий); архаиче-ский характер биотопа сохраняют ныне живущие трагулиды.